

Неправильно приключение

понятое

16 апреля 2024

После задержания предпринимателя Дмитрия Скурихина за «повторную дискредитацию российской армии» его жена Татьяна училась делать передачи прямо в СИЗО — наблюдая за тем, что передают родственники других заключённых. Соня Субботина обзванивала клиники Санкт-Петербурга в поисках врача, который смог бы выезжать в СИЗО, потому что её подруге Саше Скочиленко, осужденной на семь лет за антивоенные ценники, было необходимо постоянное наблюдение медиков. Родители Андрея Чернова, фигуранта [дела «Сети»](#), научились печь для своего сына веганские торты.

Родственники политзаключённых после ареста попадают в абсолютно незнакомую ситуацию. Прощупывая рамки ограничений тюремной системы, они стараются найти способы поддержать близких вкусной едой, интересной книгой или необычными тетрадями для заметок. Вместе с арестантами их близкие проходят сложный и тернистый путь, приобретая опыт, который

не должны были получить. Журналист «Новой вкладки» поговорила с родственниками политзаключённых и сфотографировала содержимое передач, которые они отправляют своим близким.

Вход в бюро передач в петербургском СИЗО, где находится Саша Скочилenko

Соня Субботина, подруга Саши Скочилenko

— Если твой человек только-только оказался в тюрьме, то передачи — это очень большая проблема, ведь очередь занимают на две недели вперёд. Заходишь на сайт, а талонов нет, и непонятно, что делать, а человек остаётся без одежды, без каких-то самых важных вещей. Иногда даже без зубной щётки. Сейчас я ставлю будильник на 20:20 — время, когда на сайте ФСИН ежедневно выкладывают номерки. Их разбирают за пять минут.

Я ношу передачу в СИЗО раз в три-четыре дня. Питание там, мягко говоря, не очень хорошее, а Саше многие продукты нельзя по состоянию здоровья,

поэтому мы сами её кормим. Я стараюсь приносить ей как можно более разнообразную еду: свежие овощи, фрукты, орехи, безглютеновые мюсли, сыр, что-нибудь сладкое и воду. В СИЗО очень плохая вода, и её лучше не пить. Покупаю консервированную готовую еду от [«Кронидова»](#) или [«Скоро Готово»](#) — наверное, это наиболее полноценная еда, которую можно передавать в места лишения свободы.

Каждый раз я стараюсь положить Саше в передачу что-то новое, вкусное. Это очень простой способ порадовать человека. Любому заключённому важно знать, что о нём помнят, его любят и ждут на свободе.

Соня Субботина носит передачи в СИЗО своей подруге Саше Скочиленко каждые 3-4 дня

Передача для Саши Скочиленко, подготовленная её подругой. У Саши целиакия — непереносимость глютена аутоиммунного характера, из-за чего ей необходима специальная безглютеновая диета

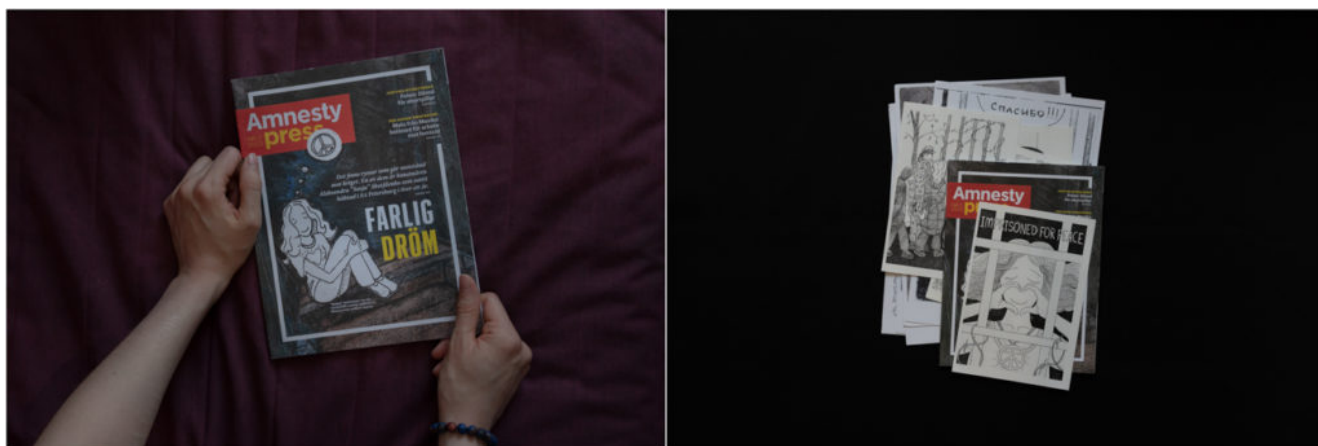

Совместные фотографии Сани Скочиленко и Сони Субботиной на полке

в комнате Сони

Соня Субботина у окошка для передач в СИЗО, где находится Саша Скочиленко

Журнал «Amnesty press» со статьёй о деле Саши Скочиленко

Если человек болеет — это вообще беда. Когда у Саши был отит, к ней больше недели не приходил врач, а я была в Стамбуле, поэтому она не могла мне позвонить. Она писала мне письма об этом, но их не пропускала цензура. Я узнала, что у неё сильно болит ухо, только через две недели.

Бывали и другие сложности. У Саши биполярное расстройство, и она принимает антидепрессанты и нейролептики по назначению врача. Их приём ни в коем случае нельзя пропускать, потому что это неизбежно приведёт

к ухудшению состояния и развитию синдрома отмены — а это бессонница, сильная тревога, тремор, тошнота, рвота. Но некоторые фельдшеры несколько раз не выдавали ей эти таблетки. Просто говорили ей, что у них много другой работы. К счастью, после моего разговора с начальником СИЗО это сразу же прекратилось.

Медпомощь в местах лишения свободы получить очень сложно. Саше нужно постоянное наблюдение врача, а в СИЗО есть не все специалисты. Например, там нет кардиолога. Сейчас во всём Питере мы нашли одну клинику, которая согласилась выезжать в СИЗО за достаточно большие деньги, но я пока не представляю, как приводить к Саше врачей, когда она будет в колонии.

Татьяна Скурихина, жена Дмитрия Скурихина

— После ареста Дмитрия отправили в СИЗО № 6 в [Горелово](#). Кормили там буквально помоями. Сначала я не знала, как передачи собирать, и писала мужу в письмах: «Дима, тебе „Доширак“ положить?» Он мне про него всё не отвечал, а его мама говорила: «Таня, это гадкая еда, не надо». Она тоже не понимала, что «Доширак» в тюрьме — это просто сказка.

В первый раз я поехала в СИЗО, чтобы посмотреть, что другие женщины передают, и мотала это на ус. Думала сначала, что чай можно только рассыпчатый, но увидела, что и в пакетиках передают. Правила постоянно меняются: вдруг стало нельзя гель для душа и шампуни, тот же чай в пакетиках. Непонятно, от чего это зависит.

Первую передачу удалось сделать только через месяц. Когда Дмитрия только задержали, я зашла на сайт ФСИН, а там очередь круче, чем в поликлинику. Потом мы уже узнали, что можно передачу отправить посылкой. С опытом всё приходит. Я несколько раз передавала кипятильник, но когда идёт шмон, то кипятильник забирают. И такая вот у нас игра. Раз пять уже я этот кипятильник ему отправляла.

В Горелово можно было раз в месяц передать 20 килограммов, но сейчас Дмитрий в колонии, а там передачи можно делать в два раза реже. Зато кормят лучше. Правда, он приходит на приём пищи поздно — когда всё уже

остыло. Только по выходным он иногда попадает на горячее. Один раз в месяц он может сходить в магазин и купить еды за свои деньги. Но нужно выбирать — в этом месяце ты либо идёшь в магазин, либо получаешь передачу.

Если он вдруг заболит, то должен добиваться врача. Тот выпишет лекарства и только тогда можно приходить и передавать лекарства. Их берёт специальный человек, относит в медчасть, где смотрят назначения и передают ему. Просто в передачу можно положить только витамины.

Татьяна Скурихина училась делать первые передачи мужу, приезжая в СИЗО и наблюдая за тем, что передают другие люди своим близким

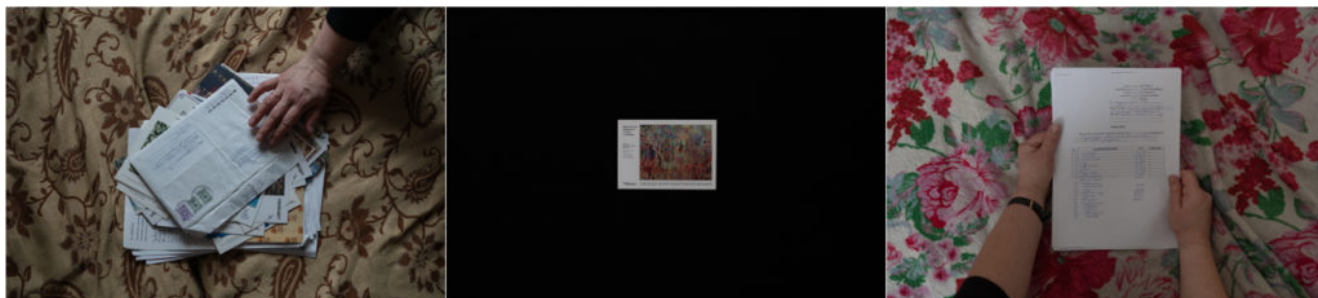

Передача для Дмитрия Скурихина от его жены. Татьяна отмечает, что Дмитрий особенно любит мятные пряники

Татьяна Скурихина читает письма и открытки, которые люди присылают её мужу в заключении. Эти письма Дмитрий передаёт ей на свиданиях, чтобы

Татьяна сохранила их у себя

Слева: Дмитрий Скурихин получает в колонии много писем от разных людей. В центре: открытка «Свободу всем политзаключённым», которую прислали Дмитрию Скурихину в СИЗО. Справа: бланк для описи, который Татьяна Скурихина заполняет каждый раз, когда отправляет передачу мужу

Остановка у магазина Дмитрия Скурихина в селе Русско-Высоцкое Ленинградской области, на стенах которого он писал антивоенные лозунги. Когда я была у Димы на свидании, он вручил мне пачку писем, которые ему шлют люди. Это хорошо, что письма приходят, но беда, что их не всегда пропускают. Недавно он две недели вообще не получал никаких писем. Нам как политическим как будто бы не всё доступно, как будто мы на специальном обслуживании.

Мы думали поощрение получить, чтобы выйти [на свободу] раньше, но потом решили: «Да какое ещё поощрение, если замечания в колонии делают

и заносят [в дело] без уведомления, и он даже знать не будет». Если будет суд на [УДО](#), то к нему приготовят кучу замечаний. Ну и что, что у тебя есть поощрение? Нам говорят, что раз у нас срок маленький, то нужно сидеть и не дёргаться.

В колонии нам полагается раз в два месяца одно краткосрочное свидание. Оно должно длиться три часа, но так не получается. Будет ровно столько, сколько хочет человек, который сегодня на смене. Пока тебя приведут неспешно, пока его приведут. Иногда дают дополнительно минут 40, но некоторые [надзиратели] наотрез отказываются.

Я никогда в жизни не думала, что с таким столкнусь. Было тяжело, но любую проблему в жизни надо воспринимать как приключение. Если ты воспринимаешь это как проблему, значит это неправильно понятое приключение.

Елена, невеста Павла Крисевича

— Мы познакомились с Пашей в 2020 году в Москве, когда с друзьями делали конференцию «Протест как квест» и искали героев для выступления. Я гуляла с подругой по Пушкинской площади, увидела Пашу и предложила ему поучаствовать. Он согласился. А близко стали общаться уже после того, как его посадили.

В последний год я занимаюсь передачами для Паши. В [«Бутырку»](#) можно передавать сколько угодно посылок — главное, чтобы было не больше 30 килограммов в месяц. Я отправляю передачу по почте как посылку. Передачу в самом СИЗО я делала один раз и мне не очень понравилось: нужно заполнять бланк, записываться в очередь и страшно, что что-то примут, а что-то нет.

По почте передачи принимают легче — у меня не приняли только кипятильник и плед. Хотя, когда я отправила плед, то сразу поняла, что это была так себе идея. Как и с дезодорантом для его сокамерника, который не приняли, потому что в СИЗО нельзя передавать средства в стекле. Ещё плохо, что по почте нельзя отправить фрукты и овощи, но их я заказываю через ФСИН-магазин.

В передаче всё проверяется и разрезается, поэтому люди получают растерзанные продукты. Из-за этого остаётся мало времени, чтобы их съесть, и в целом это неприятно. Кромсают торты, даже тюбики с пастой. Я помню, Паше нужна была паста для рисования, которой он грунтует ткань. Её разрезали, и он потом спаивал тюбик, чтобы паста не застыла.

Елена, невеста Павла Крисевича, осужденного за акцию на Красной площади в Москве. Елена и Павел сблизились уже после его ареста

меньше вероятности, что что-то из продуктов не примут
Сейчас мы общаемся только письмами. Паша много пишет, и у него очень быстро заканчиваются ручки и тетрадки. Он отвечает абсолютно на все письма, а недавно написал сказку на 60-ти листах.

Два года назад у Паши поднялась температура, которая долго не спадала. Мы искали врача, который мог бы прийти к нему в СИЗО, а Паша ходил в медчасть, где над ним просто издевались. Говорили, что он притворяется или перепил чифира, хотя он просто сползал по стенке из-за своего состояния. Помогли сокамерники: когда Паша, падая, вернулся из медчасти, они начали колотить в дверь, чтобы его начали лечить. Только после этого Пашу отвели к другому врачу, который оказал ему помощь.

Сергей и Татьяна Черновы, родители Андрея Чернова

— Первое время, конечно, было тяжело и ему, и нам. Для передач старались брать то, что знали, но всё равно у нас не раз что-то выкидывали в СИЗО. Они там мудрят просто-напросто, сами по себе решают.

Нам было проще, потому что Андрей перед задержанием жил вместе с Алёшкой, его братом. Андрей — веган, и брат был в курсе, что Андрей ест. Сам ходил, собирал продукты, относил.

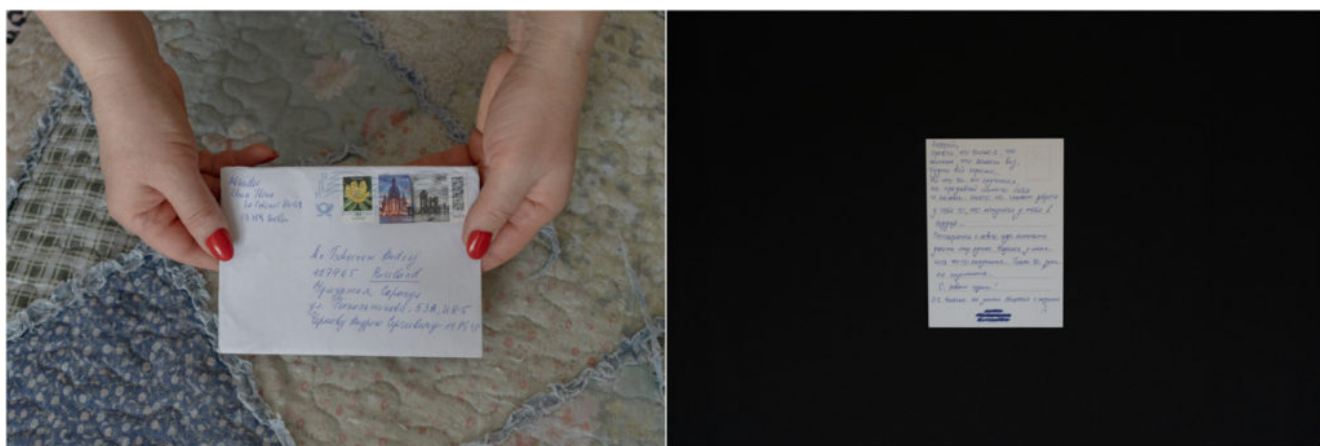
В первой посылке в колонию мы послали ему сухой укроп и петрушку. Пока у него всё пересыпали, он замерз — дело было зимой. Позвонил и сказал, чтобы мы заранее всё это делали. Сейчас мы сразу все пересыпаем в целлофановые пакеты для ускорения процесса — если упаковка прозрачная, то её можно не вскрывать. Шоколад разворачиваем, кофе пересыпаем. Объём посылки у нас не очень большой — 20 килограммов на три месяца.

В основном мы кладём то, что у них прикупить нельзя: кофе, мясо соевое, хороший шоколад. Остальное со своего личного счёта он может взять сам: мюсли, фасоль, горошек. Поход в магазин ему разрешают раз в неделю. Изюм в шоколаде он в последнее время там приноровился брать. Хорошая, говорит, вещь.

Наша дочь, сестра Андрея, очень помогает вместе с мужем. Иной раз самые дорогие продукты на себя берут: чай ройбуш, клубнику сублимированную. Он себе утром с ней завтраки делает: на кусок ржаного хлеба намазывает кокосовое масло и выкладывает клубнику. Это у него бутерброд такой.

Сергей и Татьяна Черновы они могут отправлять посылки сыну не чаще одного раз в три месяца, так как он отбывает срок в колонии строгого режима

Слева: письмо, пришедшее в колонию Андрею Чернову из Германии. Когда писем скапливается много, Андрей отправляет их семье. Справа: открытка, отправленная Андрею в колонию

Веганская передача для Андрея Чернова, собранная его родителями. В каждой посылке они отправляют ему сублимированную клубнику, с ней он делает себе бутерброды на завтрак

Слева: совместная фотография Татьяны Черновой с сыновьями. Справа: кружка, которую Татьяне Черновой прислали в подарок активисты

Свидания обходятся очень дорого, потому что нужно ехать в колонию в Удмуртию. Это стоит в районе 30 тысяч рублей. Разрешают их раз в четыре месяца, на свидание даётся трое суток. Мы едем с запасом на один день, чтобы успеть сделать закупку продуктов. Каждый раз стараемся что-нибудь придумать, приготовить что-то веганское, интересное. Последний раз в комнате свиданий сделали большой слоёный торт. Настоящий, как в магазинах продают, только веганский. Андрею понравился, он очень был

доволен.

Когда приезжаем, у него всегда такая радостная улыбка. Арест Андрея был для всех полнейшим шоком. Конечно, этого никто не ожидал. Мы с родителями всех фигурантов дела состыковались, поддерживали друг друга. До сих пор стараемся общаться. Ещё внешняя поддержка была очень сильная: много чужих людей нас подбадривало, помогали активисты. Если бы не огласка, то кто знает, чем бы всё закончилось?

Анатолий Королёв, отец Всеволода Королёва

— Когда прошёл обыск, мне позвонила соседка: сказала, что дверь сломана. Я приехал. Конечно, это было тяжело. Что может испытать человек, когда у него сына арестовывают?

В начале всё было сложно. Когда я возил первую передачу, три четверти из того, что я привёз, не приняли. Ещё я попал в какую-то жуткую очередь и больше двух часов в ней простоял.

В СИЗО как-то кормят, но плохо, и понятно, что эта еда быстро надоедает. У Севы ещё аллергия на рыбу, а у них обычно рыба по вечерам. В месяц можно сделать передач на 30 килограммов. Талоны [на сайте] кончаются за одну минуту, и нужно с дикой скоростью вбить свои данные, чтобы его получить. Лида, девушка Севы, посылает ему посылки, какие-то вещи можно взять в магазине, но там практически не бывает овощей и фруктов. Обычно мы привозим какие-то простые вещи: колбасу, бекон, каши, сухофрукты, яблоки. Один раз я положил ему жареные каштаны, но их не взяли. Никто не мог определить, что это такое.

Анатолий Королёв, отец Всеволода Королёва, осуждённого на три года колонии за «фейки» о российской армии

Передача в СИЗО Всеволоду Королёву от его отца: колбаса, шоколад, сухофрукты, каши. В последнее время у Всеволода начались проблемы

с желудком, поэтому отец передаёт ему побольше каш и джемов

Анатолий Королёв собирает посылку сыну, пересыпая все продукты в целлофановые пакеты. Таковы требования СИЗО к передачам

У Севы с щитовидкой проблемы, поэтому нужно регулярно принимать поддерживающие лекарства. Передать их — это большая морока. Препараты передаются только через врача в СИЗО, для чего Севе необходимо написать бумагу, которую должен заверить фельдшер. Потом бумага должна дойти до врача, который принимает по часу в неделю, и у него всегда дикие очереди. Если заявление не потерялось, врач ставит печать: после чего можно идти в окно передач.

А дела [у Севы] никакого нет даже по существующим законам! Но не могла же она [судья] его отпустить, это невозможно. Я понимаю, если бы ему Госдеп миллион долларов заплатил, а тут недоказуемые вещи вообще. Просто статья [о фейках] — это статья о мыслепреступлении.

Михаил Семёнов, друг Ричарда Роуза

— Даже не помню, в каком году мы познакомились, но это точно было на почве любви к мотоциклам. Ричард — тоже любитель двухколесной техники. Я помню наши гаражные посиделки, как мы болтали о технике, о том о сём.

Быт у него был минималистский. Он все деньги, что зарабатывал, хотел тратить на будущее, а не на настоящее. Он жил будущим, но это будущее ему перечеркнули. Когда появилась возможность после задержания, так я и начал ему помогать. На судах всех присутствовал, пока Ричард был в СИЗО в Кирове.

Слава богу, повезло спастись его жене Марии и сыну, которые выехали за границу. По обещаниям силовиков должно было произойти так, что жену тоже отправили бы в тюрьму по статье о дискредитации армии, а ребёнка —

в детдом. Исход бы был крайне печальный.

В передачу Ричарду мы кладём всё по желанию товарища, и от себя — скажем так от души — что-то могу положить. Самое необходимое: не скоропортящиеся продукты, какая-то повседневка: лапша быстрого приготовления, печенье, пряники, конфеты. Само собой, ещё радости жизни — орехи, сухофрукты. Самое вкусное, что можно положить, — это шоколад. Из предметов гигиены — шампуни, бритвенные принадлежности, дезодоранты. Все продукты упаковываем в пакеты, куда потом их будут пересыпать. Для тёплых вещей основное требование — это отсутствие шнурков и нашивок. В основном требуется свободная тёплая одежда — футболки, штаны.

Михаил Семёнов, друг Ричарда Роуза, осужденного за дискредитацию армии и призывы к терроризму. Жене Ричарда из-за уголовного преследования пришлось покинуть страну вместе с их семилетним сыном. Михаил помогает Ричарду с момента задержания

Само собой, передаю вести от жены. Он в курсе, как у нее дела. Ричард и Мария могут общаться с помощью бумажных писем, но это долго. Во «ФСИН-письмо» я сегодня написал, а завтра Ричард получил. Поэтому сейчас Мария пишет рукописное письмо и фотографирует его, отправляет мне, а я отправляю его Ричарду. И её рукописное письмо вручают Ричарду в виде распечатки фото.

Мы надеемся, что после апелляции Рича переведут отбывать срок обратно в Киров. Сократится расстояние, и мы сможем к нему приходить, видеть его и говорить с ним. Он будет у нас под присмотром.

Полина Барабаш, жена Евгения Затеева

— Жеку преследовали с 2022 года, когда задержали по делу [«Весны»](#) и отправили под запрет определённых действий. Тогда мы постоянно с ним ездили в Москву на суды. За год до ареста Жени мы начали заниматься помощью заключённым с передачами и посылками. Мы понимали, что Женя может оказаться в тюрьме, если что-то пойдёт не так, то есть были подготовлены — в отличие от родственников других политзаключённых, которые оказываются в такой ситуации внезапно.

Во время нахождения Жени под запретом определённых действий он жил в Санкт-Петербурге в квартире родителей по прописке, а я в своём съёмном жилье. В день обыска меня разбудил сосед по квартире, который увидел, что кто-то из близких Жени написал в общий чат капсом «ОБЫСК» и перестал отвечать. Я сразу приехала и снимала, как его арестовывают и выводят.

Поначалу было тяжело. Я каждый день переживала, казалось, что сто процентов с ним происходит что-то плохое, а я даже не узнаю. После первого свидания мне стало спокойнее. Я увидела, что он устал, но не сломался: такой же жизнерадостный, весёлый, шутит. Мне и сейчас тяжело, но я просто воспринимаю это как данность.

Когда люди впервые с этим сталкиваются и не близки к какому-то политическому активизму, то много всего может произойти. Например попадают недобросовестные адвокаты, которые не помогают и просто тянут деньги.

Хотя мы сразу понимали, что и как передавать, в первой посылке я отправила ему вместе одежду и консервы: последние вскрыли, и всё разлилось. После этого я такие вещи отправляю отдельно.

Полина Барабаш, жена Евгения Затеева, наученная горьким опытом, отправляет мужу вещи и продукты отдельными посылками

Передача для Евгения Затеева, подготовленная его женой. В ходу всегда блюда быстрого приготовления и сладости. В этот раз Полина решила положить Евгению на пробу чипсы нори

Подруга Полины Барабаш Елизавета на кухне готовит передачу для другого

обвиняемого по делу «Весны»

Письмо от Евгения Затеева его жене Полине Барабаш

Передачу я ему делаю только через посылки и заказываю что-то через [«Сидим-едим»](#), потому что ездить к нему очень далеко. В ходу у нас всякие супчики быстрого приготовления, консервы и то, что можно разогреть. Он любит супы [быстрого приготовления] Yelli и сладкое, поэтому я отправляю ему вкусняшки всякие. В «Сидим-едим» есть ещё что-то типа ресторана, можно заказать комплексный обед, фрукты, овощи.

В СИЗО-7 «Капотня» есть интересная штука — экран, на котором в режиме онлайн разбирают посылки и досматривают их. Это очень любопытно. Когда я ждала свидания, то смотрела, как идёт процесс.

Как говорила одна правозащитница, каждое СИЗО — это мини-государство, в котором свои правила и обычаи. Везде всё по-разному, и всё постоянно меняется. Некоторые вещи оперативно вообще не решить. Когда у Жени умерла бабуля, они по идее должны были сообщить ему о смерти родственника, но не сделали этого, а [сообщение через] «ФСИН-письмо» проходило цензуру несколько дней.

Александра Попова, жена Артёма Камардина

— Есть базовые правила передачи, и ты им следуешь, но иногда хочется отправить что-то, что Артёма может немного порадовать. Положить то, что поднимет ему настроение — в такой передаче есть твоя любовь. Например, Артём очень любит опоссумов. Он говорит, что опоссумы — это панки, и им пофиг на общественное мнение. Поэтому я отправила ему толстовку с ними. Я их тоже очень люблю.

Я постоянно стараюсь передавать разные оригинальные штуки, проверяю рамки того, что можно отправить, ищу внутри этих рамок то, что будет как-то выделяться. Проходит не всё. Например, рассыпной чай пуэр можно, а прессованный — нет. Я стараюсь подбирать необычные вариации чаёв, потому что Тёма их любит.

Недавно я была в поездке в Турции, привезла оттуда сладостей. Мне захотелось ему передать частичку чего-то нового и необычного. Того, что в заключении он обычно не может попробовать. Пока в СИЗО это ещё можно — в колонии будут более строгие правила.

Когда человек на этапе, его можно попытаться перехватить. Я Артёма так в Кирове поймала. Я рассылала письма во все СИЗО, в которые могла, текст: «Привет, если ты здесь, ответь». Обычно приходит отбивка от цензора: «Не числится», но из Кирова мне ответил сам Артём. Суммарно на это уходит много денег.

Объективно в нашем деле всё всем понятно — и следователям, и судьям, и прокурорам. Нет тут никакой организованной группы, Артём просто стихи читал. Но система настолько хочет жрать людей, что им всё равно, что Артём пережил полный ад.

Он всегда выступал против любого насилия. Человеческая жизнь для него — высшая ценность, и то, что произошло с ним, — это вопиющая несправедливость. К нему было применено столько жестокости, что у меня не получается это осознать. Последствий от этого будет очень много. Я не представляю, какую титаническую работу нужно будет проделать специалистам, которые будут помогать Артёму восстанавливаться.

Александра Попова, жена фигуранта «Маяковского дела» Артёма Камардина. При обыске ей вырывали волосы и угрожали групповым изнасилованием, показывая в это время видео с избитым в соседней комнате Артёмом

Передача для Артёма Камардина, собранная его женой. Александра всегда

старается положить то, что поднимет ему настроение. Например, принт с изображением опоссумов — любимых животных Артёма

Александра Попова сделала татуировку на руке — это первый рисунок Артёма из СИЗО

В комнате Александры Поповой есть Доска грусти, посвященная Артёму Камардин

Памятник Маяковскому в Москве, где Артём Камардин читал антивоенные стихи, за которые был задержан и подвергнут пыткам при обыске

Мы стараемся быть максимально честными друг с другом. Даже если нам очень плохо, мы стараемся писать максимально открыто. Мы держимся на чувствах друг к другу и на воспоминаниях. То, через что мы проходим, сильно объединяет. У нас в планах была долгая и счастливая жизнь, но государство решило нас разделить.

Когда ты близкий заключённого, всегда приходится подстраиваться. Вся жизнь меняется. Устроиться на постоянную работу сложно, потому что то и дело случаются экстренные вещи и нужно постоянно брать выходные. Я уж не говорю про то, что когда у тебя был очень тяжёлый день, вы не можете побыть вместе, пообниматься и поплакать. От этого становится горестно и тяжело.